

“..Таинственной лестницы взлет”

(Окончание. Начало на 1-й стр.)
– Вспомнилась Ахматова с ее посвящением вам “Слушая пение”:

...И такая могучая сила
Зачарованный голос влечет,
Будто там впереди не могила,
А таинственной лестницы взлет!
Анна Андреевна написала эти стихи в 1961 году, когда услышала в вашем исполнении “Бразильскую бахану”. Они поражают своим пророческим видением, словно поэт предвидел ступени, по которым вы будете ступать...

– Мне очень дорого это посвящение Анны Андреевны. Но вот что еще интересно. Мы с Ростроповичем вынуждены были выехать из России в 1974 году. В том же году нас принимал у себя Папа Римский. Он подарил мне и моим дочерям кресты. “Вы стоите сейчас на середине лестницы, – сказал он. – Ваша забота только думать, куда вы будете делать следующий шаг – вверх или вниз. Больше вам не о чем заботиться”. Я всегда помню эти слова. Полагаю, что и каждый человек должен задумываться, а куда ведет его шаг – вниз или вверх. Так произошло и с “Онегиним”. Я не могла промолчать. Для меня это был шаг вниз...

– Галина Павловна, могли бы назвать еще несколько имен, повлиявших на вашу судьбу?

– Шостакович, Бриттен и, конечно, Ростропович. Мой муж – гениальный музыкант. Пятьдесят лет я слушаю его виолончель и его концерты. Его личность, его искусство повлияли на развитие моего мировоззрения, на творчество и на всю жизнь. Я избалована красотой его музыки. Он – уникальное явление в мировом искусстве...

– Вы празднуете свой юбилей в год, когда весь мир отмечает столетие со дня рождения Шостаковича. Мстислав Леопольдович дирижировал 25 сентября его Восьмой симфонией, да так, что это событие стало подлинным открытием для слушателей. Что испытывали вы, слушая в тот вечер оркестр под его управлением в Большом зале консерватории?

– Это было настоящее чудо! Все играло божественно. Меня переполняло счастье... Все, что Шостакович чувствовал, что пережил, он обо всем рассказал в своей музыке. Наши потомки по его сочинениям будут изучать трагическую историю нашей страны. И в этом я уверена. Сегодня Шостакович самый исполняемый композитор планеты наряду с Бетховеном и Моцартом. Глубина и масштаб его музыки понятны всем. Его музыка не только про Россию, а про весь мир.

– Не так давно телеканал “Культура” показал фильм-оперу “Катерина Измайлова” с вашим участием. Мы слышали не только блестящую певицу, но увидели и большую драматическую актрису. Кажется, через экран можно было почувствовать биение сердца вашей героини, накал страстей, который бушевал в ней. Что для вас эта опера?

– Считаю, что это сочинение номер один всего минувшего века. Эта опера очень русская. Ее можно сравнить разве что с сочинениями Мусоргского. В ней такая открытость и такое развитие действия, что слушатель не успевает пережить одно событие, как развивается уже новое. Вероятно, именно поэтому в фильме не чувствуется длиннот, какие есть во всех классических постановках, снятых на пленку. Создается впечатление, что опера написана специально для экрана. Мне жаль, что я не спела Катерину на сцене. Но мы с Ростроповичем ставили “Леди Макбет Мценского уезда” с русскими певцами и на русском языке в Испании, Германии, Франции, Аргентине, Италии...

– Вы дружили с Шостаковичем?
– Да. Почти двадцать лет, до самой его кончины мы с мужем имели честь и счастье быть его друзьями. Мы соседствовали в доме на улице Огарева, его спальня имела общую стену с нашей гостиной, а в Жуковке рядом были наши дачи. Каждый Новый год мы встречали вместе... Скоро мы с Ростроповичем откроем музей Шостаковича в Санкт-Петербурге, в квартире, где он жил в 20 – 30-е годы и где писал “Катерину Измайлову”. А ему тогда было всего 26 лет.

Г.Вишневская и М.Ростропович

– Кто оформлял музей?

– Сама. Мы с мужем купили эту квартиру и сделали ремонт в стиле того времени. Я выбирала и покупала мебель, занавески... Конечно, под моим присмотром все это ставилось и развешивалось. Нашла афиши, программы концертов. Мы делали эту квартиру с целью, чтобы посетитель вошел и сразу почувствовал, что здесь жил гений.

– Но это уже второй музей, который вы открываете в Санкт-Петербурге?

– Верно. Первый – Музей Мусоргского. Статьи, Модеста Петровича высоко ценил Шостакович. Он и мой любимый композитор. У Дмитрия Дмитриевича под стеклом рабочего стола лежал большой портрет Мусоргского. А история музея такова. Мы обустроили свой питерский дом на Кутузовской набережной. И как-то я пошла в него с улицы, через двор. Увидела на доме мемориальную доску и бюст Мусоргского. Рассказала об этом мужу. Он взял поллитра и пошел к соседям. В той квартире жили три семьи. Мы их расселили, все отремонтировали и создали такую атмосферу, словно композитор только что вышел и вот сейчас вернется. Развесили эскизы к “Борису Годунову”. Модест Петрович снимал здесь квартиру вместе с Голенищевым-Кутузовым...

– Вы назвали еще Бриттена из числа тех, кто повлиял на вас. Недавно я была в Ковентри, где вы должны были участвовать в первом исполнении его “Военного реквиема”. Английский гид говорил нам, что советское правительство не разрешило Галине Вишневской петь на премьере, стоя рядом с немцем и англичанином. Прошло сорок лет, а об этом все еще помнят.

– Да, мне в Москве объясняли, что немцы во время войны разрушили Ковентрийский собор и теперь восстановили его на свои же деньги. Советской женщине, мол, нельзя участвовать в таком политическом действии. А Шостакович назвал это сочинение Бенджамина Бриттена – с его призывом к миру – величайшим сочинением века. Бриттен написал в нем партию специально для моего сопрана. Премьера состоялась 30 мая 1962 года, но без моего голоса. Я спела “Военный реквием” восемь месяцев спустя с теми же исполнителями, но уже в лондонском Альберт-холле... Мы дружили с Бенджамином, вместе отдыхали...

– Параллельно, как вы все успеваете? И минувшее лето было очень насыщенным.

– Да так и успеваю. Во время учебного года сама преподаю шесть дней в неделю. График, конечно, напряженный. Центр занимает все время. Во все время. Не позволяю никому расслабляться. Учу своих студентов работать так, чтобы они всегда стремились к самосовершенствованию, чтобы безукоризненно владели профессией, знали все партии для своего голоса... Вот посмотрите на эти

муж вышла в четыре дня за виолончелиста, имя которого в первый день знакомства с трудом выговаривала. А в семьдесят четвертом вмиг приняла решение уехать всей семьей за границу. Когда согласилась играть Екатерину II, сразу выучила наизусть весь текст и пришла на первую репетицию без тетрадки.

– Я была чрезвычайно удивлена, прочитав, что вы снимались в Чечне в игровом фильме Александра Сокурова. Как вы познакомились с ним?

– Случилось все так. Сокуров был на нашей золотой свадьбе с Ростроповичем. Приходил к нам домой, брал интервью. И сделал почти двухчасовой документальный фильм “Элегия жизни”. Он был показан на фестивале в Локарно. Там Сокуров наградили почетным “Золотым Леопардом” за заслуги в искусстве. Вдруг он мне говорит, что хочет снять со мной игровую картину. Предложил прочесть сценарий. Условное его название “Александра”. Пожилая женщина едет к внуку, капитану разведотряда, в Чечню, чтобы поддержать его. Сама она – жена военного. Я подумала: какое отношение это имеет ко всему, что я делала в искусстве, и отказалась, сказав, что это не мое дело. При чем тут я? С какой стати? А Сокуров стал настаивать: “Нет, я писал в расчете на вас, я только вас вижу в этом образе. Люди должны знать, что происходит в Чечне. Это большой вопрос. Мы должны сделать именно с вами этот фильм для России...”

– После такого заявления я поняла, что все слишком серьезно. И, отменив все планы, полетела в Грозный.

– О чем фильм?
– Александра три дня находится в Чечне, живет в расположении боевых частей, выходит за территорию, ходит по разрушенным районам. Внука отправляют на задание, и неизвестно, когда он вернется... В фильме нет никаких деклараций, никаких призывов – ни за, ни против. Мало текста. Ни одного выстрела, ни капли крови... Главное – атмосфера, настроение... Все показано глазами моей героини. Она встречается с внуком, солдатами... Опасная поездка не испугала ее. Она сама пережила войну и знает, как тяжело достается мир. У нее одно желание – понять людей, которых встречает на пути... Это пища для мозгов. Зрители сами должны соображать и делать выводы, что же там происходит и как выходить из войны.

– Что сами думаете?
– Когда-то Сталин погрузил чеченцев в телячьи вагоны и вывез их с родной земли. Думал, народ привыкнет. Но десять лет назад этот нарыв прорвался. И мы все должны разобраться в этом. Найти нужные слова и поступки.

– Где все снималось?
– В солдатских частях в самом Грозном. Сокуров снимал тридцатидневный подряд по десять часов в день. В фильме нет ни одного кадра без моей героини.

– Вам было страшно?
– Мне ничего не страшно. Я пережила Отечественную войну, в блокаде жила в Кронштадте. Видела в руках Петергоф, Гатчину, Ораниенбаум...

Грозный весь разрушен. Люди пока живут в развалинах, хотя и идет большая стройка. При нас как раз убили Басаева. Все готовились к худшему, боялись терактов. Но все обошлось. Обстановка сложная. В городе ни на день не прекращалась стрельба. Нас всегда сопровождали вооруженные военные.

– Как вы сами там жили?
– Обо мне позаботился режиссер. Жила на территории сотрудников ФСБ в Грозном. Закрытая, охраняемая территория. Сокуров устроил меня в железном фургончике, правда, без окон, но в нем был кондиционер, душ. У остальных условия были очень трудные. Жара – сорок градусов, а в последний день съемок – под пятьдесят...

– Мстислав Леопольдович знал об этом?
– Я не говорила ему, что еду в Грозный. Но вот он звонит мне и просит приехать. А как я могу приехать? “Я в Чечне”, – отвечаю. “Где? В какой Чечне?” – удивляется он. “Я в Грозном”. “Что ты там делаешь? Ты с ума сошла?”...

– Простите, Галина Павловна, но вы друг друга стоите. Мстислав Леопольдович в девяносто первом тоже приехал в революционную Россию, не говоря вам ни слова.

– Если бы я знала, ни за что не решила бы ему тогда ехать в Москву. – А теперь вы не сказали ему, что работаете в Грозном.

– Да, это так. Но все хорошо, что хорошо кончается. Фильм снят. В декабре его увидят зрители. Ростропович сыграл Восьмью симфониями Шостаковича в Москве, о чем так мечтал. Жизнь продолжается.

– Галина Павловна, а вы слушали, как поют чеченцы?

– Слушала. Во время съемок генералы устроили мне встречу в клубе. Приехал Кадыров. Полно военных с автоматами. Сидят старики в папахах, женщины, дети. Меня попросили сказать несколько слов. И я сказала: “Я приехала и стою здесь потому, что я вас не боюсь... Потому что я вас люблю”. И все. И тут началось невообразимое. Зал был счастливым... Я услышала там несколько одаренных певцов. Вышел мальчик и спел “Журавли”. У меня слезы полились. Хочу, чтобы он приехал в Москву учиться. Пригласила еще одну певунью. Постараюсь им помочь. Я русская женщина и болею за свою Россию.

– Галина Павловна, знаю, что даже в парижском доме вы окружаете себя русскими вещами.

– Ну а как же? Нам всегда хотелось создать русский дом. За границей на аукционах можно купить все. Мы собрали хорошую коллекцию работ русских художников. Среди них – два портрета Екатерины II, написанные Рокотовым и Левицким. На аукционе “Сотбис” купили огромное – три метра на четыре – полотно Рериха. Это картина “Ангел, охраняющий святой камень”. Рерих писал его для княгини Тенишевой... Есть несколько шалыпинских реликвий. Например, трость, с которой он изображен на знаменитой картине Кустодиева. Я очень ценю вещи с историей.

– Я читала, что в вашем петербургском доме висят шторы из Зимнего дворца. Правда?

– Правда. Это белый тюль с батистовой аппликацией, на которой вышиты государственный герб и царские короны. Шторам тоже по двести лет. Их монашеницы шили вручную. Стираю их сама руками, по одной, в ванне. Не так давно Русский музей попросил для выставки занавес, разрисованный Серовым для балета “Шехеразада”, специально к Дягилевским сезонам в Париже. И мы дали. Для экспозиции Константиновского дворца в Стрельне у нас просили портрет молодого Петра Первого в полный рост. Это работа сделана в Англии в 1696 году. У нас подлинник, а в Эрмитаже – копия с этого портрета. Картина висела в Стрельне несколько месяцев.

– Продолжаете благотворительную деятельность?

– Конечно. Уже десять лет работает в Вахе Нижегородской области родильный дом, который построен на наши средства. Первого мальчика назвали Мстиславом, а первую девочку – Галиной. Мы были там с Мстиславом Леопольдовичем. Помогаю и детскому дому в Кронштадте. Провели уже несколько медицинских акций. Мы обеспечили прививками от гепатита (В) два миллиона детей. Многих буквально спасли. Эту акцию закончили, так как прививки стали наконец-то делать и в России. Наш фонд существует. И мы ищем такое дело, которое приносило бы реальную помощь. Но у нас один принцип. Чистые деньги мы никому не даем. Нужны лекарства, аппаратура? Пожалуйста. Но так, чтобы отправить по почте, а потом и концов не найти, мы не делаем.

– Ваши любимые цветы по-прежнему ландыши?

– Да. Это первые цветы, которые преподнес мне Ростропович. С них началась наша с ним супружеская жизнь.

– От всей души желаю, Галина Павловна, чтобы ваш таинственный лестницы взлет продолжался...

Беседу вела
Лидия НОВИКОВА
Фото Эдуарда ЛЕВИНА